

Научная статья
УДК 94:631(470.621)''1928/1932''
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-99-112
EDN: DMLOYW

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АДЫГСКОГО АУЛА (1928–1932 ГГ.)

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
a075ca@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Статья посвящена социалистической модернизации аграрного сектора экономики Адыгеи (1928–1932 гг.). Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к сталинскому периоду в советской истории, который связывают два исторических факта: история СССР, как мировой державы, формировавшейся в годы правления И. Сталина и социалистической модернизации. Именно в годы первой пятилетки была определена модель социалистической экономики, промышленных кадров, в том числе в национальных образованиях СССР. Национальные республики и автономии прошли период социалистической модернизации с учётом особенностей их исторического, экономического и культурного развития. Такой национальной автономией была Адыгея. Область отличалась слабым уровнем развития сельского хозяйства и отсутствием промышленности. Эти факты оказали существенное влияние на содержание коллективизации, проведённой в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В период сплошной коллективизации происходит не только трансформация аграрного сектора экономики области, но и формирование национальных кадров, востребованных в региональной промышленности, сельском хозяйстве, культурной и образовательной сферах.

Исследование позволяет выявить региональные особенности и закономерности формирования коллективных форм хозяйствования в Адыгее как одного из факторов социалистической модернизации. В процессе реформирования сельского хозяйства области была организована подготовка национальных кадров, которые стали активными участниками социалистических преобразований. Местные органы власти использовали насильственные, административные методы в отношении сельского населения Адыгеи, но степень их применения не была критичной. Данный вывод автора основывается на архивных документах, которые использованы в статье. Отмечаем, что этот факт мы относим к конкретному региону, но не считаем характерным для всего советского крестьянства периода коллективизации.

Ключевые слова: Адыгея, коллективизация, национальные кадры, сельское хозяйство, социалистическая реконструкция.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства адыгского аула (1928–1932 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 99-112. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-99-112. EDN: DMLOYW.

© Яхутль Ю.А., 2025

Original article

**SOCIALIST RECONSTRUCTION OF AGRICULTURE
IN THE ADYGHE VILLAGE (1928-1932)**

Yuri A. Yakhutl Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. The article is devoted to the socialist modernization of the agricultural sector of the economy of Adygea (1928-1932). The relevance of the research is caused by the growing interest in the Stalinist period in Soviet history, which is linked by two historical facts: the history of the USSR as a world power, which was formed during the reign of I. Stalin and socialist modernization. It was during the first five-year plan that the model of the socialist economy and industrial personnel was defined, including in the national formations of the USSR. National republics and autonomous regions have gone through a period of socialist modernization, considering the peculiarities of their historical, economic, and cultural development. Such a national autonomy was Adygea. A weak level of agricultural development and a lack of industry characterized the region. These facts had a significant impact on the content of collectivization conducted in the late 1920s and early 1930s. During the period of mass collectivization, there is not only a transformation of the agricultural sector of the region's economy, but also the formation of national personnel in demand in regional industry, agriculture, cultural and educational spheres. The study makes it possible to identify regional features and patterns of formation of collective forms of management in Adygea as one factor of socialist modernization. In the process of reforming the agriculture of the region, training of national personnel was organized, who became active participants in the socialist transformations. Local authorities used violent, administrative methods against the rural population of Adygea, but the extent of their use was not critical. The author's conclusion is based on archival documents used in the article. We emphasize that we ascribe this fact to a specific locality, but we do not believe it is representative of the entire Soviet peasantry during the collectivization period.

Keywords: Adygea, collectivization, national cadres, agriculture, socialist reconstruction.

For citation: Yakhutl Y.A. Socialist reconstruction of agriculture in the adyge village (1928–1932). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 99-112. – DOI: 10.31143/2542212X-2025-1-99-112. EDN: DMLOYW.

© Yakhutl Y.A., 2025

Введение

Три революции в начале XX в. по своему содержанию были крестьянскими, которые не решили окончательно аграрный вопрос. Приход большевиков к власти в ноябре 1917 г. обозначил новый этап в истории российского крестьянства, отличительной чертой которой стали радикальные реформы, разрушившие традиционные устои общины, крестьянского труда и одновременно, сформировавшие новую концепцию аграрного сектора экономики через огосударствление индивидуальных крестьянских хозяйств. Коллективизация советского крестьянства стала составной частью социалистической модернизации, реализованной ВКП(б) с конца 1920-х. Она была призвана окончательно утвердить власть партии в деревне, как главной политической силы, определяющей вектор развития индивидуальных крестьянских хозяйств, а также повысить производительность сельского хозяйства и уровень жизни советской деревни. Цель статьи – изучить процесс коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств в национальном образовании Северо-Западного Кавказа – Адыгейской автономной области. Для этого были поставлены задачи: определить уровень развития индивидуаль-

ных хозяйств адыгов, степень их восстановления в период нэпа; рассмотреть ход сплошной коллективизации и её социальные последствия.

Современные исследователи больше внимания уделяют коллективизации с точки зрения продовольственного обеспечения населения страны и одновременно отмечая её негативные методы реализации. Однако колхозный строй это не только продуктивность и производительность сельского хозяйства – это ликвидация неграмотности, расширение сети медицинских и культурных учреждений, подготовка квалифицированных кадров, т. е. повышение качества жизни на селе. Приоритетной задачей оставалась организация сельскохозяйственного производства на основе коллективного труда при финансовой и технической поддержке государства, которая решала проблему продовольственной безопасности и расширения экспортных возможностей СССР.

Намеченные планы коллективизации советского крестьянства, рассчитанные на пять лет, были выполнены в январе 1930 г. Такие высокие темпы обобществления крестьянских хозяйств способствовали формированию конфликта власти и сельского населения. Региональные партийные и советские руководители старались оперативно выполнить указания ЦК ВКП(б) и тем самым избежать возможных обвинений в «правом уклоне». В результате коллективизация породила внеправовые методы воздействия по отношению к крестьянам, что выражалось в арестах, заключении в тюрьмы, лагеря, выселении с мест постоянного проживания, конфискации имущества и др. Ограничение свободы, как правило, было связано с открытыми выступлениями против советской власти или коллективизации. Признавая наличие фактов нарушения экономических интересов и конституционных прав крестьян, следует отметить, что коллективизация позволила решить поставленные задачи и гарантировала социально-культурное развитие советской деревни. Некоторые социальные программы были реализованы через десятилетия, но их основы заложили в 1930-е гг. Противоречивые последствия коллективизации нашли своё отражение в исторической литературе, которая подвержена серьёзному идеологическому воздействию. Исследователи советского периода положительно оценивали коллективизацию, указывая на незначительные недостатки, а в постсоветский период, российские историки заняли позицию острой критики, не замечая положительных результатов. Следовательно, реализованная политика коллективизации советского крестьянства требует объективной оценки с привлечением широкого круга архивных документов, с учётом региональных и национальных особенностей. В данном случае, автор на примере коллективизации в Адыгее изучает как общие закономерности, так и региональные особенности социалистической реконструкции.

Историю изучения коллективизации в СССР можно условно разделить на четыре периода: конец 1920-х – 1930-е гг.; 1940-е – 1950-е гг.; начало 1960-х гг. – вторая половина 1980-х гг. и 1990-е гг., на каждом из которых она испытывала идеологическое воздействие, что во многом предопределило содержание российской аграрной истории. Именно постсоветский период историографии коллективизации советской деревни стал временем кардинального переосмысления и апробации новых методологических подходов. В научный оборот

включили новый массив архивных документов, появились публикации, которые не только осуждали реализованную сталинскую концепцию преобразования советской деревни, но также изучали региональные особенности этого процесса и положительные её результаты.

Современная российская историография определила хлебозаготовительные кризисы 1927–1929 гг. условным рубежом, отделявшим нэп от коллективизации. Новая экономическая политика (1921–1929 гг.) продемонстрировала несостоятельность доколхозной деревни включиться в реформы и повысить уровень производительности хозяйств, провоцируя череду экономических кризисов [Ильиных 2010]. Другая точка зрения связана с необоснованными представлениями об избытке продовольствия в доколхозной деревне. Об этом писал известный советский, российский историк-аграрник В.П. Данилов, по мнению которого кризис был спровоцирован завышенными данными о запасах хлеба [Данилов 1999]. Следует обратить внимание на то, что В.П. Данилов ещё в 1990 г. в одной из своих статей обозначил новые подходы в изучении коллективизации [Данилов 1990]. Существует точка зрения о том, что «коллективизация» противоречила ленинской концепции кооперации крестьян и была лишь инициативой И. Сталина [Анисков, Рутковский 2000; Хлевнюк 2010; Кондрашин 2018]. При этом отечественные исследователи считают, что она во многом была связана с традициями российской власти [Красильщиков 1998; Булдаков 2010]. В современных исследованиях нашла своё новое отражение политика «раскулачивания», как проявление необоснованного насилия над крестьянством [Ивницкий 2000; Ивницкий 2000 Ильиных 2010; Кондрашин 2014]. Появился интерес к данной теме и у региональных историков, которые изучали репрессивный характер власти в отношении крестьянства [Хутыз 1993; Бугай, Мекулов 1994; Шовгенова 2010; Ващенко 2019]. Иностранная историография сохраняет интерес к данной проблеме, которая предлагает новые методологические подходы в изучении крестьянства и коллективизации [Рефлексивное крестьяноведение... 2002].

Российская аграрная история склонна отрицательно оценивать коллективизацию советского крестьянства. Аргументами в данном случае являются необоснованные репрессии в отношении всех социальных слоёв сельского населения, административные принуждения, падение производительности сельского хозяйства, разрушение самобытного крестьянского хозяйства и как следствие снижение потребительского уровня крестьян и голод 1932–1933 гг. Признавая наличие этих объективных фактов, не представляется возможным отрицать и положительные последствия коллективизации, которые стали предметом данного исследования. Если рассматривать начало сталинской модернизации сельского хозяйства в национальных образованиях с точки зрения региональной истории, то она имела свои особенности, которые во многом определяли её содержание и результаты.

Объектом исследования является сплошная коллективизация сельского хозяйства в ходе первой пятилетки. Предмет – социалистическая реконструкция адыгского аула в 1928–1932 гг.

В ходе исследования использованы принципы историзма, объективности и системный подход, что позволило воссоздать на основе подлинных фактов, из-

ложенных в архивных материалах, реализацию политики сплошной коллективизации в годы первой пятилетки и её влияния на сельское население ААО. С помощью историко-генетического метода определены особенности реализации сплошной коллективизации, обусловленные уровнем развития индивидуальные хозяйства адыгов, а также установлено отсутствие масштабных репрессивных мер воздействия на сельское население.

Научная новизна исследования заключается в подборе и вовлечении в научный оборот новых документов Национального архива Республики Адыгея, а также в постановке проблемы – влияние аграрных преобразований в адыгском ауле на процесс формирования национальных кадров и отсутствие явных репрессивных методов со стороны органов власти, что определило особенность сплошной коллективизации в ААО.

Социалистическая модернизация сельского хозяйства Адыгеи и её социальные последствия

Аграрный сектор экономики Адыгейской автономной области в конце 1920-х гг. отличался низкой продуктивностью и отсутствием потенциала для развития, следовательно, требовалась государственная поддержка. Такое состояние индивидуальных хозяйств адыгов – следствие имперской аграрной политики на Северо-Западном Кавказе. В дореволюционный период горцы (адыги) владели лишь 7,2 % земли Кубанского округа, в то время как основная масса земель принадлежала казачьей армии – 75,2 % [Щетнёв 1966]. Поэтому большая часть земельных наделов у горцев находилась в арендном пользовании. Активно применяли субаренду, в которую были вовлечены безземельные горские крестьяне. В годы Первой мировой и Гражданской войны посевные площади на территории компактного проживания адыгов сократились на 44,5 % по сравнению с 1913 г. Урожайность зерновых культур снизилась из-за ухудшения культуры земледелия и недостатка сельскохозяйственного инвентаря. Низкое техническое оснащение было одной из основных причин отсталости земледелия в национальных областях региона [Овчинникова 1972: 53, 54]. Кроме того, необходимо учитывать специфику истории Северного Кавказа, а также традиционно-этнические компоненты массового сознания горских народов, которые создавали особые условия, препятствовавшие государственной политике создания коллективных хозяйств.

Потенциал индивидуальных крестьянских хозяйств и нэповская экономика не отвечали интересам и потребностям социалистического строительства, что привело к административному свёртыванию нэпа и формированию новой концепции развития СССР на основе коллективизации и индустриализации. Эти решения были приняты на XIV (1925 г.) и XV (1927 г.) съездах ВКП(б), которые изменили внутривластный курс большевиков. Они окончательно отказались от возможности использовать механизмы рынка для развития народного хозяйства. Эти решения были не только следствием завершившегося противостояния И. Сталина и Л. Троцкого, но и результатами нэповской экономики, которая за 9 лет лишь достигла показателей 1913 г. или 1916 г. В соответствии с принятыми решениями Северо-Кавказский краевой совет народного хозяйства

разработал перспективный план развития края в том числе, национальных образований на период 1926–1929 гг. Регион отличался выгодным географическим положением и природно-климатическими условиями, что предопределяло приоритетное развитие сельского хозяйства.

Кардинальные изменения в экономике, в социальной сфере, а именно ликвидация неграмотности, организация медицинского обслуживания, развитие национальной культуры, формирование национальных кадров региона произошли после установления советской власти и национально-государственного самоопределения нацменьшинств. По данным переписи 1926 г. на этой территории Северного Кавказа проживали более 50 наций и народностей численностью до 1,5 млн чел. [Мамилов 2021: 52]. В Адыгее в этот период проживало 112 515 чел., в том числе 65 587 адыгов [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 40. Л. 23].

Адыгский аул в начале 1920-х гг. отличался глубоким социальным расслоением: зажиточная часть составляла 15,8 % всех хозяйств, которая владела 40 % домашнего скота и 35 % посевов. В то же время, 40 % горского населения относились к категории бедняцко-средняцких хозяйств [Тугуз 1966: 38]. Как и по всей стране в ходе землеустроительных работ в Адыгейской (Черкесской) автономной области (Адыгейская автономная область (ААО) с 13 августа 1928 г.) увеличилось число крестьянских хозяйств с 16 583 в 1916 г. до 20 952 в 1926 г., но при этом площадь индивидуальных наделов сократилась с 6,5 дес. до 4 дес. По состоянию на 1926 г. посевные площади были восстановлены на 90 % в сравнении с показателями 1916 г. Другие данные свидетельствуют о том, что посевные площади были полностью восстановлены и составляли 158,4 тыс. га., превзойдя показатели 1916 г. на 39,8 % [Контрольные цифры... 1930: 10]. В соответствии с политикой государственной поддержки национальных образований было получено 73 трактора, но руководство ААО по-прежнему признавало наличие острого дефицита сельскохозяйственных орудий [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 19, 20].

Колхозное строительство в Советской России было начато ещё в 1918 г. Одной из первых в Адыгее была коммуна «Свободный труд», организованная в апреле 1920 г. В годы нэпа коллективные хозяйства продолжили развиваться. Так, на территории области в 1928 г. было учтено 97 различных форм коллективных объединений: 2 сельскохозяйственные артели, 5 коммун, 77 товариществ по совместной обработке земли, 18 машинных товариществ и др. [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Однако основные мероприятия по переходу к новым формам хозяйствования начались в конце 1920-х гг.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 27 ноября 1929 г. принял решение о начале кампании по сплошной коллективизации, которую планировали завершить летом 1931 г. В соответствии с принятым решением Адыгейская областная комиссия по сплошной коллективизации 27 декабря 1929 г. реорганизовала посевные тройки и советы содействия колхозному строительству в комиссии по сплошной коллективизации при местных органах власти. Началась активная работа по организации районных бедняцко-средняцких коллективных хозяйств. Если уровень объединения индивидуальных горских хозяйств до 1929 г. не демонстрировал высоких темпов, оставаясь на уровне 3 % – 6 % от общего

количества хозяйств, то уже в 1929 г. этот показатель достиг уровня 27,8 %, как следствие начатой кампании по сплошной коллективизации [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 423. Л. 34]. Следующий год, 1930 г., отмечен активизацией середняцких хозяйств в колхозном строительстве ААО и ростом численности коллективных хозяйств.

5 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному государству», где Северный Кавказ, в том числе ААО, были отнесены к первой группе регионов, в которых коллективизация должна была завершиться весной 1931 г. Коренная трансформация сельского хозяйства ААО происходила с учётом национальных особенностей и условий землепользования, которые сложились за предшествующий период аграрных реформ – этого требовал Северо-Кавказский крайком ВКП(б). В ААО развернули широкую агитационно-пропагандистскую работу с целью разъяснения задач коллективизации и демонстрации преимуществ коллективного труда. Только за январь 1930 г. бедняцко-средняцкие конференции прошли в а. Понежукай, Тахтамукай, Хакуринохабль и др. населённых пунктах области, на которых кампания сплошной коллективизации получила поддержку. Завершающим этапом стала областная бедняцко-средняцкая конференция, прошедшая в г. Краснодаре 25–27 января. На конференции с докладом «О сплошной коллективизации области» выступил Председатель областного исполнительного комитета Ш. Хакурате, предложения которого получили поддержку делегатов.

Государство выступило инициатором и активным участником преобразований в аграрном секторе экономики, демонстрируя желание вытеснить кулачество не только как класс, уничтожив его экономические основы в советской деревне, но и заменить своей поддержкой середняцко-бедняцкие хозяйства. Это позволяло установить контроль за их производственной деятельностью, и результатами труда. Для ААО, где уровень развития сельского хозяйства не соответствовал предъявляемым требованиям экономических и социальных преобразований, государственная помощь была единственным возможным вариантом успешного развития.

Под активным воздействием партийных и советских органов за первые три месяца 1930 г. было зарегистрировано 111 колхозов, объединивших 20 674 крестьянских хозяйств, с общим числом 52 083 чел. при общей численности взрослого населения 93 278 чел. Помощь в организации колхозов оказывали 42 рабочих из числа двадцати пяти тысячников [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 188. Л. 33, 34].

Перегибы в ходе коллективизации, проявившиеся в административном давлении, попытке объединить в единые хозяйства несколько населённых пунктов, обобществлении индивидуального имущества, необоснованном раскулачивании оказали негативное влияние на сельское население области. Кампания борьбы против «классовых врагов» послужила основанием для проведения чистки в партийном и советском аппарате.

Очередное постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» приостановило явные нарушения, демонстрировавшие рецидивы политики «военного коммунизма». По-

сле принятых решений, начался неконтролируемый отток крестьян из коллективных хозяйств по всей стране, в том числе Адыгее. Это поставило под сомнение саму идею коллективного труда, её эффективность и возможность изжить мелкобуржуазный элемент из аграрного сектора экономики, повысить производительность и обеспечить финансирование социалистической модернизации. Отток крестьян из колхозов ААО продолжался до июля 1930 г., а осенью снова наметился рост. Однако показатель весны 1930 г. по количеству колхозников достичь осенью не удалось [Тугуз 1966: 47]. Кроме того, отмечали трудности в организации труда, учёта трудодней и соблюдении трудовой дисциплины. Сохранялся дефицит сложных сельскохозяйственных орудий и запасных частей. В масштабах страны к августу 1930 г. в колхозах остались 21,4 % крестьянских хозяйств, а это был показатель задания на пятилетку [Вдовин 2019: 160].

До конца 1920-х гг. масштабы общинного землепользования в стране расширялись, но ситуация изменилась с принятием курса на коллективизацию, что привело к активному вмешательству государства в развитие поземельных отношений крестьянства [Есиков 2010: 47]. Этот процесс не мог не вызвать сопротивления в крестьянской среде. ЦК ВКП(б) на происходящие события в деревне отреагировал принятием 30 января 1930 г. постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В ходе кампании на территории ААО было раскулачено 1 260 хозяйств [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 423. Л. 43]. По сведениям областного исполнительного комитета их количество до коллективизации составляла 6–7 % [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 702. Л. 49]. В свою очередь, зажиточная часть адыгских аулов пыталась сопротивляться: создавала лжеколхозы, совершала преступления против советских и партийных работников, уничтожала имущество колхозов и др. Заявления и жалобы крестьян по вопросам незаконного раскулачивания рассматривала Адыгейская областная налоговая комиссия. Например, комиссия на своём заседании 31 октября 1931 г. рассмотрела 4 жалобы, из которых 3 оставила без удовлетворения, обвинив крестьян в спекуляции сельскохозяйственной продукцией [НАРА. Ф. Р. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 8]. В ходе борьбы с зажиточной частью адыгского аула страдали бедняцкие и середняцкие хозяйства, которые не были готовы вступать в колхозы, поэтому их причисляли к «классовым врагам». Попытки обратиться в комиссию с целью исключить их из списка, подлежащих «раскулачиванию» или переселению, как правило, были безуспешными.

Российские исследователи отмечают, что продолжение насильственной коллективизации крестьянства ухудшило общую ситуацию в сельском хозяйстве страны. Кроме того, руководство страны инициировало принятие встречных повышенных планов по заготовке продовольствия. Так, с целью реализации этих планов в Северо-Кавказское бюро была направлена директива за подписью В. Молотова, требовавшая увеличение плана хлебазаготовок на 10 млн пудов [Кондрашин 2014: 57, 63].

ВКП(б) продолжала упорно реализовывать план сплошной коллективизации, используя административные методы воздействия. К июню 1931 г. колхозы объединяли 53 % всех крестьянских хозяйств страны [Вдовин 2019: 160]. В ААО

к лету 1931 г. этот показатель достигал 92 %. За пределами коллективных хозяйств остались 2 024 трудовых хозяйств [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702. Л. 49–61].

Последний год первой пятилетки был отмечен в Адыгее значительным увеличением доли зернового производства по сравнению с другими отраслями. Зерновой сектор в структуре посевных площадей возрос с 55,7 тыс. га (1916 г.) до 162 тыс. га (1933 г.), в то время как площадь технических культур уменьшилась соответственно с 24,8 тыс. га до 26 тыс. га. Доля зерновых культур в общем объёме собранного урожая в 1933 г. по сравнению с 1916 г. увеличилась на 62,4 %. При этом необходимо отметить, что среди зерновых культур основное место занимала озимая пшеница. Площади посева озимой пшеницы выросли с 36 007 га в 1916 г. до 47 630 га в 1933 г. Произошли значительные изменения в соотношении посевных площадей технических культур, которые традиционно присутствовали в сельском хозяйстве адыгов. Подсолнечник постепенно вытесняли табак и кормовыми культурами, площади под которыми за годы первой пятилетки увеличили в 4 раза по сравнению с двоекными показателями. Необходимо было развивать кормовую базу животноводства, которую активно поддерживало правительство СССР. Вместе с тем, поголовье домашнего скота, которое демонстрировало рост до 1928 г. к концу первой пятилетки сократилось в два раза [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. Это было связано с методами коллективизации и налоговой политикой правительства, в результате чего домашний скот забивали, а площади под кормовую базу замещали зерновыми культурами.

Сельское хозяйство Адыгейской автономной области к 1933 г. постепенно трансформировалось в направлении социалистических форм организации производства. Политика правительства по поддержке зернового производства и животноводства в автономии способствовала формированию многоотраслевого сельского хозяйства. Коллективные хозяйства к концу первой пятилетки обрабатывали 80 % земли, в то время как единоличники – лишь 2,1 %. К середине 1930-х гг. урожайность с одного гектара земли выросла с 10,5 до 13,5 ц. Ударные бригады доводили этот показатель до 26 ц с 1 га. С помощью комбайнов убирали урожай с 73,5 тыс. га., а за пятилетку этот показатель вырос в 4,5 раза. Только в 1935/1936 гг. количество хлеба, сданного колхозами государству, выросло с 33,5 тыс. т. до 70 тыс. т. Основные средства колхозов выросли в 2,5 раза. В такой сложной отрасли сельского хозяйства как животноводство произошли существенные изменения: поголовье овец увеличилось с 18 тыс. до 35 тыс., крупного рогатого скота с 14,5 тыс. до 30 тыс. [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 2. Д. 45. Т. 1. Л. 153–155]

Колхозное строительство, а вместе с ним и развитие полеводства, позволили вовлечь черкешенок в активную общественную и производственную деятельность. Так, в число стахановок Псекупского района входили Гучетль Мариет (1916 г. рождения), Кат Кица (1916 г. рождения), Чесебиева Пшаш (1894 г. рождения), Гучеж Хасас (1907 г. рождения), Сташ Аминат (1912 г. рождения), Сташ Нахо (1902 г. рождения) [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 757. Л. 23]. Только в период осенних полевых работ в 1933 г. было развёрнуто 236 сезонных детских

яслей, что позволило привлечь дополнительные рабочие силы из числа адыгеек [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 59].

Генеральная линия ВКП(б), направленная на создание коллективных форм хозяйствования, требовала не только решения вопросов организационно-экономического характера, но и социального. Повышение товарности коллективных хозяйств возможно было обеспечить с помощью подготовленных квалифицированных специалистов, государственной поддержки и внедрения в аграрный сектор народного хозяйства передовых технологий и достижений науки. Поэтому ВКП(б) и Северо-Кавказское бюро партии большевиков в национальных образованиях Северного Кавказа активно реализовали культурную революцию как составную часть социалистической реконструкции. Приоритетными задачами были: ликвидация неграмотности взрослого населения, организация школьного образования, подготовка национальных кадров и развитие национальной культуры. Эти задачи актуализировались в период коллективизации, когда в колхозах возникла потребность в специалистах. Например, в 1917 г. на территории компактного проживания черкесов Кубанского округа функционировали только 20 школ, в том числе 12 горских, в которых обучали до 400 учеников [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 4]. В 1931 г. в объяснительной записке Северо-Кавказского бюро ВКП(б) к плану подготовки национальных кадров, специалистов высшей и средней квалификации отмечали необходимость расширения хозяйственной и культурной работы в национальных областях края. С этой целью в большинстве национальных образований Северо-Кавказского края, в том числе ААО к 1931 г. развернули кампанию по ликвидации сплошной неграмотности и ввели всеобщее начальное образование. Решение образовательных задач позволило преодолеть кризис в подготовке национальных кадров для экономики региона, в первую очередь, специалистов в области сельского хозяйства, школьного образования и медицины. Для национальных областей региона к концу первой пятилетки выделили 3 379 мест для поступления в высшие учебные заведения СССР. Адыгейская автономная область получила 67 мест для поступления в высшие и 360 в среднетехнические учебные заведения. Но подготовить такое количество молодых людей по выделенным квотам не удалось. Недобор по вузам составил 52 чел., а по техникумам – 165 чел. К концу первой пятилетки было предложено подготовить 297 чел. с высшим и 426 чел. с среднетехническим образованием для экономики Адыгеи из числа коренного населения. Потребности сельского хозяйства области в специалистах были в 7 раз ниже, чем количество выделенных мест в вузах и техникумах. Общая потребность аграрного сектора экономики Адыгеи на тот момент составила: специалистов с высшим образованием – 70 чел., с среднетехническим – 202 чел. [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 209. Л. 1, 2, 7–9]. Это является свидетельством того, что государственная политика подготовки национальных кадров была ориентирована на перспективное развитие региональной экономики и социальной сферы.

Выводы

Сложности социалистической реконструкции советской деревни во многом были следствием незавершённости аграрных реформ имперского периода и неспособности индивидуальных крестьянских хозяйств обеспечить ресурсами социалистическую модернизацию в СССР, что проявилось в начале в годы нэпа, а затем в период первой пятилетки.

Модернизационные процессы первых пятилеток, при всей их сложности и трагичности, оказали положительное влияние на адыгское общество. Государственная поддержка ААО позволила значительно повысить продуктивность аграрного сектора экономики, способствовала формированию национальной интеллигенции, развитию и сохранению самобытной культуры. Коллективизация была сложным и противоречивым процессом, в котором следует учитывать объективные условия модернизации советского государства и степень развития национальных образований, входивших в состав РСФСР – СССР.

В период нэпа государство пыталось реагировать на запросы крестьян, иницируя их производственный рост, но индивидуальные крестьянские хозяйства в отличие от промышленности восстанавливались более медленными темпами. Земельная политика большевиков и их поддержка малоимущих слоёв сельского населения привели к удельному росту середняков в стране, ориентированных на само потребление. Неконтролируемая натурализация крестьянских хозяйств не соответствовала целям социалистической реконструкции сельского хозяйства. Потребовались радикальные меры по объединению индивидуальных крестьянских хозяйств с целью повышения их продуктивности и получения средств для промышленной модернизации.

Для Адыгеи первоочередной задачей было не восстановление индивидуальных крестьянских хозяйств, а их индустриальное развитие на основе широкого применения сложной сельскохозяйственной техники. Уровень развития хозяйств адыгов значительно уступал по своей товарности соседним регионам, что явно прослеживается ещё в период нэпа. А так как коренное население проживало в сельской местности, то качество их жизни во многом зависело от развития аграрного сектора экономики.

Коллективизация способствовала формированию и развитию многоотраслевого сельского хозяйства ААО, а также иницировала подготовку национальных кадров высшей квалификации.

Колхозный строй решил задачи по формированию модели аграрного сектора экономики, социальной сферы деревни, преодолел региональное неравенство, но при этом сохранил и сформировал новые противоречия, решение которых зависело от власти и её идеологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анисков, Рутковский 2000 – *Анисков В.Т., Рутковский М.А.* История Ярославского края (1928–1998). – Ярославль: Ярославский государственный университет. 2000. – 291 с.

Бугай, Мекулов 1994 – *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е гг.). – Майкоп: Меоты, 1994. – 424 с.

Булдаков 2010 – *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 965 с.

- Ващенко 2019 – *Ващенко И.И.* Исторический опыт коллективизации в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации: дис. ... канд. ист. наук. – Майкоп, 2019. – 202 с.
- Вдовин 2019 – *Вдовин А.И.* СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). – М.: Проспект, 2019. – 768 с.
- Данилов 1990 – *Данилов В.П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. – 1990 – № 5. – С. 7–41.
- Данилов 1999 – *Данилов В.П.* Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. Под ред. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с
- Есиков 2010 – *Есиков С.А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: 2010. РОССПЭН. – 246 с.
- Ивницкий 2009 – *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-чернозёмная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 286 с.
- Ивницкий 2000 – *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – М.: РАН. Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада). 2000. – 350 с.
- Ильиных 2010 – *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М.: РОССПЭН. 2010. – 343 с.
- Кондрашин 2018 – *Кондрашин В.В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. – 2018. – № 4. – С. 3–13.
- Кондрашин 2014 – *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014. – 349 с.
- Контрольные цифры... 1930 – Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Кавказского края на 1929/30 г. – Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. – 186 с.
- Красильщиков 1998 – *Красильщиков В.А.* Вдгонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.
- Рефлексивное крестьяноведение... 2002 – Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 511 с.
- Мамилов 2021 – *Мамилов М.С.* Проблемы индустриализации в национальных регионах Северного Кавказа в середине 1920-х-начале 1930-х гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 3. – С. 51–56.
- НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.
- Овчинникова 1972 – *Овчинникова М.И.* Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972 – 199 с.
- Тугуз 1966 – *Тугуз Х.И.* Коллективизация сельского хозяйства в адыгейском ауле (1929–1931 годы) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи) / сост. В.П. Малышева. – Краснодар: Краснодарский педагогический институт 1966. – С. 37–62.
- Хлевнюк 2010 – *Хлевнюк О.В.* Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН. 2010 – 479 с.
- Хутыз 1993 – *Хутыз К.К.* Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (на материалах адыгских народов Северного Кавказа). – Ростов-н/Д: Рост. гос. ун-т, 1993. – 259 с.
- Шовгенова 2010 – *Шовгенова Н.З.* Фрагментарная модернизация аграрного сектора экономики Адыгейской автономной области в конце 1920–30-х гг. // Сборник материалов научных статей Национального музея Республики Адыгея. Вып. 2 / Н.А. Гаража – Майкоп: 2010. – С. 214–222.
- Щетнёв 1966 – *Щетнёв, В.Е.* Из истории классово-борьбы в кубанской станице (1920-1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). – Краснодар: КППИ, 1966. – С. 5–36.

REFERENCES

ANISKOV V.T., RUTKOVSKII M.A. *Istoriya Yaroslavskogo kraya (1928–1998)*. [History of the Yaroslavl Region (1928–1998)]. – Yaroslavl: Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet. 2000. – 291 p. (In Russ.).

BUGAI N.F., MEKULOV D.KH. *Narody i vlast': «Sotsialisticheskii eksperiment» (20-e gg.)*. [Peoples and Power: The "Socialist Experiment" (the 20s)] – Maikop: Meoty, 1994. – 424 p. (In Russ.).

BULDAKOV V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsion-nogo nasiliya*. [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. – Moscow: ROSSPEN, 2010. – 965 p. (In Russ.).

VASHCHENKO I.I. *Istoricheskii opyt kollektivizatsii v Adygee: obshchie tendentsii i osobennosti realizatsii: dis. ... kand. ist. nauk.* [The historical experience of collectivization in Adygea: general trends and implementation features] – Maikop: 2019. – 202 p. (In Russ.).

VDOVIN A.I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg.)*. [the USSR. The history of the great Power (1922–1991)]. – Moscow: Prospekt. 2019. – 768 p. (In Russ.).

DANILOV V.P. Kollektivizatsiya sel'skogo hozyajstva v SSSR [Collectivization of agriculture in the USSR]. IN: *Istoriya SSSR*. – 1990 – № 5. – P. 7–41. (In Russ.).

Danilov V.P. *Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoi tragedii)* [Introduction (the origins and the beginning of village tragedy)]. IN: *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5-ti t. / T. 1. Mai 1927 – noyabr' 1929*. – Moscow: ROSSPEN, 1999. – 880 p. (In Russ.).

ESIKOV S.A. *Rossiiskaya derevnya v gody nepa. K voprosu ob al'ternativakh stalinskoi kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)*. [The Russian village during the NEP years. On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. – Moscow: 2010. ROSSPEN. – 246 p. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural*. [Famine of 1932–1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Chernozem region, Western Siberia, the Urals.]. – Moscow: Sobranie, 2009. – 286 p. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933)] – Moscow: RAN. In-t ros. istorii, Universitet g. Toronto (Kanada). 2000 – 350 p. (In Russ.).

IL'INYKH V.A. *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitel'nye kampanii kontsa 1920-kh gg. v Sibiri)*. [Chronicles of the Grain Front (procurement campaigns of the late 1920s in Siberia)]. – Moscow: ROSSPEN. 2010. – 343 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Vliyanie kollektivizatsii na sud'by Rossii v XX v.* [The impact of collectivization on the fate of Russia in the 20th century.]. IN: *Rossiiskaya istoriya*. – 2018. – № 4. – P. 3–13. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)* [Grain procurement policy during the First Five-year Plan and its results (1929–1933)]. – Moscow: ROSSPEN, 2014. – 349 p. (In Russ.).

Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyaistva Severo-Kavkazskogo kraya na 1929/30 g. – Rostov n/D: Severnyi Kavkaz, 1930. [Control figures of the national economy of the North Caucasus Region for 1929/30]. – 186 p. (In Russ.).

KRASIL'SHCHIKOV V.A. *Vdogonku za proshedshim vekom: Razvitie Rossii v XX veke stochki zreniya mirovykh modernizatsii*. [Chasing the past century: The development of Russia in the 20 th century from the point of view of global modernization.]. – Moscow: ROSSPEN, 1998. – 263 p. (In Russ.).

Refleksivnoe krest'yanovedenie: desyatiletie issledovaniy sel'skoj Rossii [Reflexive Peasant Studies: a Decade of Research in Rural Russia] Edited by T. Shanina. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – 511 p. (In Russ.).

MAMILOV M.S. *Problemy industrializatsii v natsional'nykh regionakh Severnogo Kavkaza v seredine 1920-kh-nachale 1930-kh gg.* [Problems of industrialization in the national regions of the North Caucasus in the mid-1920s-early 1930s]. IN: *Sovremennaya nauchnaya mysl'*. – 2021. – №3. – P. 51–56. (In Russ.).

Natsional'nyj arhiv Respubliki Adygeya. [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

OVCHINNIKOVA M.I. *Sovetskoe krest'yanstvo Severnogo Kavkaza (1921–1929 gg.)*. [The Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929)]. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1972 – 199 p. (In Russ.).

TUGUZ KH.I. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v adygeiskom aule (1929–1931 gody)* [Collectivization of agriculture in the Adygei village (1929–1931)]. IN: *Na putyakh k sotsializmu (po materialam Kubani i Adygei)*. [On the way to socialism (based on materials from Kuban and Adygea)] / Edited by V.P. Malysheva – Krasnodar: Krasnodarskii pedagogicheskii institute. 1966. – P. 37–62. (In Russ.).

KHLEVNYUK O.V. *Stalin i utverzhdenie stalinskoj diktatury*. [Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. – Moscow: ROSSPEN. 2010 – 479 p. (In Russ.).

KHUTYZ K.K. *Natsional'nye otnosheniya v usloviyakh totalitarizma: opyt i uroki. 1917–1940 gg. (na materialakh adygskich narodov Severnogo Kavkaza)*. [National relations in the context of totalitarianism: experience and lessons. 1917–1940 (based on the materials of the Adyge peoples of the North Caucasus)]. – Rostov-n/D: Rost. gos. un-t, 1993. – 259 p. (In Russ.).

SHOVGENOVA N.Z. *Fragmentarnaya modernizatsiya agrarnogo sektora ekonomiki Adygeiskoi avtonomnoi oblasti v kontse 1920–30- kh gg.* [Fragmentary modernization of the agricultural sector of the economy of the Adygea Autonomous Region in the late 1920s and 30s]. IN: *Sbornik materialov nauchnykh statei Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya. Vyp. 2* [Collection of scientific articles of the National Museum of the Republic of Adygea. Issue 2]. Edited by N.A. Garaza – Maikop: 2010. – P. 214–222. (In Russ.).

SHCHETNEV, V.E. *Iz istorii klassovoi bor'by v kubanskoj stanitse (1920–1927 gg.)* [From the history of the class struggle in the Kuban stanitsa (1920–1927)]. IN: *Na putyakh k sotsializmu (po materialam Kubani i Adygei)*. [On the way to socialism (based on materials from Kuban and Adygea)]. – Krasnodar: KGPI, 1966. – P. 5–36. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.